

**Талер. Жизнь слова в истории языка
и в речевой практике**
**On the borrowing of the monetary term *thaler*
into Old Russian and Belarusian**

Е. И. Янович

E. I. Yanovich

Статья содержит дополнительные сведения к истории слова *талер* как заимствования в русском и белорусском языках. Делаются наблюдения над судьбой этого слова в истории русского и белорусского языков.

Ключевые слова: старорусский язык, старобелорусский язык, талер, денежные единицы, лексическое заимствование

The present article contains additional information about the history of the word *thaler* as a borrowing in Russian and Belarusian. Observations are made on the destiny of this word in the history of the Russian and Belarusian languages.

Keywords: Old Russian, Old Belarusian, thaler, monetary units, lexical borrowing

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-17-24

Слово *талеръ* известно в деловых документах старорусского и старобелорусского языков начиная с XVI в. и представлено в них различными буквенно-звуковыми вариантами: *талерокъ*, *таларокъ*, *таръль*. Варианты отражают фонетические (различный характер произношения) или словообразовательные (наличие значения уменьшительности; лексические преобразования вследствие метатезы слогов) особенности слов. В большинстве случаев в обоих языках лексема *талеръ* употреблялась в значении ‘монета, крупная денежная единица’.

Слово *талер* в значении ‘монета’ является древним заимствованием слова *Taler* из немецкого языка (точнее, его баварского диалекта) при посредстве польского языка [ЭСБМ 13: 192–193]. Известно, что *талер* в языке-источнике возникло на базе сокращения топонима *Иоахимсталь* (*Joachimsthal*), образованного сложением двух основ. Первая — название местности *Иоахим* (*Йоахим*, в современности — г. Яхимов, Чехия). Относительно происхождения второй основы мнения этимологов расходятся. В ней видят немецкий элемент *-tal-* со значением ‘долина’ [Успенский: 111], однако более вероятно, на наш взгляд, ее связь с корневой морфемой итальянского глагола *tagliare* со значением ‘резать’ (ср. классическую версию происхождения слова *тарелка* [Фасмер IV: 24]). Это предположение мотивировано сведениями о древней технологии чеканки монет, одним из главных этапов которой была резка металлических пластин на кусочки нужной формы и веса. Сокращение этого сложения закончилось формированием слова *талер*.

Мы не располагаем точными данными о реальной стоимости монеты с этим названием. Из упоминаний этой монеты в старобелорусских актовых документах очевидно, что это была реально достаточно высокая стоимость: в актах XVI–XVII вв. упоминаются дорогие покупки, которые оплачивались этой монетой *иные пески* (‘мех песка’) *продаем по толяру* (1579 г.) [ГСБМ 33: 202]; *жита куповали четверть по талюру* (1599 г.) [Баркул.: 135]; *послал шест бочок вина пили за здорове его, килка сот талюров* (Хронограф, XVII в.) [ГСБМ 33: 202]. К XVII в. стоимость талера установилась как 11 золотых или 2 сребреника: *наняли сторожовъ покоморныхъ... каждому давали талярки ровно золоть одынадцать* (1689 г.) [ГСБМ 33: 202]; *...тотъ даръ тысяча сребрениковъ был якобы 500 талюровъ* [Там же]. В XVI в. талер мог быть использован в качестве закладной имущества или денег: *Гарасим ми презысканого не отдавши, над то еще и мой талеръ похвативши, до себе узяль* (1579 г.) [ГСБМ 33:

202] — это также может указывать на его значительную социально-общественную ценность в XVI–XVII вв.

Реализация чередования звуков *-t/-d-* в верхненемецких диалектах предопределила формирование образований на базе слова *талер* нового слова *далер* с тем же лексическим значением единицы денежного обращения, которое со временем в определенных общественно-исторических условиях на территории разных стран стало успешным конкурентом слова *талер*. Оба эти слова оказались в метонимических отношениях, сближаясь не только семантически, но и на основе словоизменительных, словообразовательных и синтаксических характеристик: так же, как различались *талеры* и *талеры битые*, *талеры левковые* (с изображением льва), так различались и *далеры битые*, *далярки* (уменьшительная номинация), *далеры галандские*, *левковые далеры* (с изображением льва). Под названием монеты *daler*, которая чеканилась в Йоachimстале, стали чеканиться монеты аналогичного веса и размера, получившие использование в обиходе и других государств.

По историческим данным, начиная с XVI в. особенно активной была внешняя торговля Голландии. Монета из Йоachimсталя стала широко использоваться на Ближнем Востоке и в голландской Ост-Индии, дошла до Нового Света и получила применение в Новых Нидерландах — голландской колонии в Северной Америке (в современном мире — в Нью-Йорке). Таким образом, слово *доллар* стало известно во многих странах как особая лексема со значением ‘крупная денежная единица’; эта единица, как и талер, была обеспечена высоким содержанием драгоценного металла – серебра. На протяжении XV–XVII вв. в связи с государственными и общественно-историческими изменениями в жизни восточнославянских земель происходило развитие новых систем денежного обращения, в которых выдвигались новые денежные единицы, специфические для разных регионов восточнославянских земель (*грошъ*, *копа*, *полтина*, *рублевикъ*, *рубль* и др.).

К середине XVII в. положение талера в условиях Российского государства изменилось, и эти монеты получили не только новые, необычные функции, но и другое название. К этому времени в существующей в это время денежной системе обнаружился недостаток — отсутствие крупной платежной единицы. Государственные власти пытались решить эту проблему путем введения в 1654 г. *рублевика* — монеты, перечеканенной из талера с формальным номиналом 100 копеек. Но эта монета оказалась неполноценной, так как содержала 28 г серебра, а вес реальных 100 копеек должен был составлять 48 г. Поэтому в 1655 г. правительство, отменив *рублевик*, ввело в обращение *талеры с клеймом*, присвоив им то же наименование *Йоахимсталеры*, связанное с местом их чеканки. В народном произношении это название вначале звучало как *йоахимы*, а со временем трансформировалось в *ефимки* (*ефимок* [м. р.] или *ефимка* [ж. р]). Для различия талеров старой и новой чеканки было введено полное название этой монеты с ее новым, особым содержанием — *ефимок с признаками*; в качестве таких «признаков» на новой монете талера двумя штампами надчеканивали изображение всадника и дату — 1655 г. (см.: [СРЯ XI–XVII 5: 395]; [Ференц]).

Таким образом, возвращение к использованию талеров было связано с тем, что в Российском государстве обнаружился недостаток серебра, необходимого для чеканки монет с высокой денежной стоимостью, что сделало западноевропейские талеры предметом высокого спроса. Талеры стали скупать и завозить в Россию как импортный источник серебра, и монеты, которые чеканились из этого материала, получили уже другое название — *ефимки*. Монета с таким названием легла в основу и других, разных в количественно-цифровом отношении, чеканок талера.

Материалы старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка показывают, что функции введенной монеты с новым названием оказались разнообразными. Прежде всего, уже с XVI в., эта денежная единица была включена в расчетные и платежные отношения: *а взяли*

у нихъ за прошлые дани и за старые залогии пятьдесятъ тысячь ефимковъ (Грамоты датским послам, 1559 г.); а цѣна тѣмъ кораблемъ и товару пятьсотъ тысячь ефимковъ (Ответ датским послам, 1576 г.); Да в ту пору дали Федоту чарку серебряною да пятьдесятъ шесть яфимков, да комку кызылбаскою ... а ценою они сочли и сказали на осемьдесятъ яфимков (Статейный список Федота Елчина, 1639–1640 гг.). Кроме того, эта монета могла быть использована в качестве почетной награды: Да келейнику его казначейскому дано въ почете ефимокъ; Да дворецкому его дано въ почете ефимокъ (Записная тетрадь Иверского монастыря, 1701 г.) — очевидно, это подтверждает государственную значимость монеты. Действительно, в деловых документах и финансовых отчетах находим записи о том, что в XVII в. ефимки были органичной частью монетарной системы Российского государства и являлись существенной статьей государственного бюджета; например, в Приходной книге Новгородской четверти 1619–1620 гг. сообщается: *пошлинь в 128 году собрано шестьсот осемьдесят осемь рублев... а не доброно против 127 году пятидесяти шти рублев...потому что ефимков и серебра, и старых денег ... во 128 году приносили мало...а немецкие и литовские люди ефимков не привозили.*

Хотя ефимок не был допущен к официальному обращению, эта монета была достаточно популярной, особенно в западных землях, перешедших к России от Речи Посполитой и Литвы, то есть находившихся, в том числе, на территории современной Беларуси.

В истории восточнославянских языков можно наблюдать определенные следы присутствия в их системах слова *талер* и его производных. В результате перестановки (метатезы) слогов в этом слове, облегченной условиями его заимствования, возникла новая лексическая единица с сочетанием *тар-* в корне, у которой на основе предметного сходства круглой монеты и бытового предмета посуды сформировалось новое значение ‘небольшая круглая посуда’. Оно реализовалось в старорусских и старобелорусских письменных памятниках уже с XVI в.: *Три блюдечка*

малые да расолникъ, да тарѣль [СРЯ XI–XVII 29: 217]; *было у меня в дворѣ... тарелок пять цыновых* [ГСБМ 33: 215]; *палцы облизуе и тарель* [Там же]. Эта же лексема в описываемый период используется и в значении ‘денежная единица’: *властных гршеи узела тарелей пядьдесят а монеты десет коп гршеи* [Там же]. Лексема, обозначающая предмет посуды, со звуковой последовательностью *тар-* в корне и ее производные известны и современным восточнославянским языкам в их литературных или просторечных вариантах.

Следом длительного сохранения слова *талер* в истории белорусского языка можно считать процесс онимизации производного с уменьшительным значением от этого слова. Современному белорусскому социуму известно имя собственное *Талерчик* (*Талерчык*) — фамилия существующего в реальной жизни современного члена общества. Интересно заметить, что такой же результат, а именно развитие имени собственного на базе уменьшительного названия денежной единицы, устаревшего в современном белорусском языке, можно усмотреть в происхождении другой реально существующей в белорусском ономастиконе фамилии *Ефимчик* (*Яфімчык*) — ср. *ефимка*.

В памяти и в речевой практике белорусов сохранились в течение длительного времени некоторые, пусть и немногие, устаревшие слова с актуальным и для носителей языка, и для самих слов как элементов лексической системы значением. В подтверждение сошлемся на факт современного исполнения белорусской частушки: *А на печы пры лучыне / Дзеўкі грошы палічылі. / Налічылі два талера / Ды купілі кавалера*. Бытование этой частушки может поддерживаться сохранившимся в памяти носителей языка представлением о значительном числовом, «богатом» содержании слова *талер*.

Приведенные факты напоминают о том, что в истории языка можно и следует искать новые и вместе с тем традиционные источники обогащения системы лексических средств, необходимых для коммуникации в современ-

ных условиях развития общества. Это актуально, в том числе, в свете решения важной для современных восточнославянских языков задачи именованья крупной денежной единицы в новой, еще только формирующейся системе криптовалюты.

Литература

Баркул. — Баркулабаўская хроніка // *Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці*. Уклад., уступн. артык. і камент. А. Ф. Коршунава; рэд. Ю. С. Пшыркоў. Мінск, 1975.

ГСБМ – *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Вып. 33: *Струна – трэснутыся*. Склад. А. М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск, 2013.

СРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва, 1975–.

Успенский Л. В. *Почему не иначе? Этимологический словарь школьника*. Москва, 1967.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т. IV: Т – ящур. Москва, 1987.

Ференц В., Костыркина А. Эволюция монет российских // *Банковское обозрение*. URL: <https://bosfera.ru/bo/evolyuciya-monet-rossiyskih> (дата обращения: 14.06.2022).

ЭСБМ – *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 13. *Су – Трапкач*. Уклад. Р. М. Малько [і інш.]; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск, 2010.

References

Barkul. — Barkulabaŭskaya khronika [Barkulabaiskaya chronicle] // *Pomniki starazhytnay belaruskay pis'mennastsi*. Uklad., ustupn. artyk. i kament. A. F. Korshunava; red. Yu. S. Pshyrkoŭ. Minsk, 1975. (In Belarus.)

ESBM – *Etymalagichny sloŭnik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian language] T. 13. Su – Trapkach. Uklad. R. M. Mal'ko [i insh.]; gal. red. G. A. Tsykhun. Minsk, 2010. (In Belarus.)

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. V 4 t. T. IV: T – yashchur. Moskva, 1987. (In Russ.)

Ferents V., Kostyrkina A. Evolyutsiya monet rossiyskikh [The evolution of Russian coins] // *Bankovskoe obozrenie*. URL: <https://bosfera.ru/bo/evolyuciya-monet-rossiyskikh> (data obrashcheniya: 14.06.2022). (In Russ.)

GSBM – *Gistarychny sloŭnik belaruskay movy* [Historical dictionary of the Belarusian language]. Vyp. 33: *Struna – tresnutisya*. Sklad. A. M. Bulyka [i insh.]; pad red. A. M. Bulyki. Minsk, 2013. (In Belarus.)

SRYa XI–XVII – *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language]. Moskva, 1975–. (In Russ.)

Uspenskiy L. V. *Pochemu ne inache? Etimologicheskiy slovarik shkol'nika* [Why not otherwise? Etymological Dictionary for Schoolchildren]. Moskva, 1967. (In Russ.)

Янович Елена Ивановна
Независимый исследователь
Минск, Беларусь
Yanovich Elena Ivanovna
Independent researcher
Minsk, Belarus
yanovhi@rambler.ru